

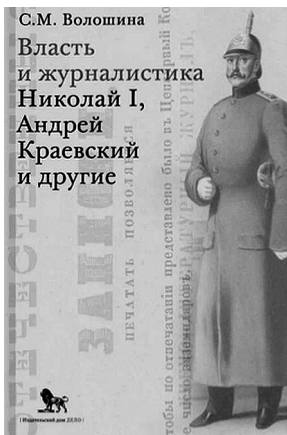
Старое как новое

DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_371

Волошина С.М. Власть и журналистика: Николай I, Андрей Краевский и другие.

М.: Дело, 2022. — 663 с. — 700 экз.

В рекламном анонсе на суперобложке рецензируемой монографии известный литературовед пишет, что «эта книга будет интересна и специалисту, и просто любознательному читателю. Первому — потому что она предлагает оригинальную концепцию истории русской журналистики и вводит в оборот множество малоизвестных и неизвестных (в частности, архивных) материалов. Второму — потому что книга написана живо, увлекательно и остроумно, содержит множество драматических (часто трагикомических) эпизодов и ярких характеристик». Обсуждать, что в книге будет интересно «любопытному читателю», в научном журнале мы не будем, так как все зависит от исходного уровня знаний читателя, да к тому же мало к кому из таких читателей при небольшом тираже и дороговизне она попадет. А вот вывод о ценности книги для специалиста обсудим.

Прежде всего, о «множестве малоизвестных и неизвестных (в частности, архивных) материалов». Первое, что поражает при чтении, — это масса огромных цитат. По нашей оценке, на их долю приходится около половины объема книги. И добро бы цитировались малоизвестные и неизвестные тексты. Но нет, обильно приводятся фрагменты таких хрестоматийных для исследователя этой эпохи материалов, как дневник цензора А.В. Никитенко, воспоминания И.И. Панаева, Д.В. Григоровича и П.В. Анненкова, статьи и письма В.Г. Белинского, обзор В.В. Стасова «Цензура в царствование императора Николая», печатавшийся в 1901—1904 гг. в «Русской старине», книги Н.П. Барсукова «Жизнь и труды М.П. Погодина» (1888—1910), М.К. Лемке «Очерки по истории русской цензуры и

журналистики XIX столетия» (1904) и «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г.» (1908), сборники документов «Россия под надзором: отчеты III отделения 1827—1869» (2006) и «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г.» (1862). Цитируются в гораздо меньшем числе и архивные документы, но это, скорее, если использовать выражение персонажа Василия Шукшина, «завлекалочка», то есть тексты, описывающие некоторые детали, но не сообщающие новые факты или опровергающие существующие взгляды на описываемые явления.

Однако, разумеется, не в материалах дело. И на известных фактах можно построить «оригинальную концепцию истории русской журналистики». В чем же заключается эта «оригинальная концепция»?

Книга состоит из двух достаточно слабо связанных частей. В первой описаны жизненный путь и деятельность известного журналиста А.А. Краевского в 1830—1840-х гг., во второй — ситуация, в которой существовала русская журналистика

в 1848—1854 гг. (в основном цензурная; в центре повествования Меншиковский и сменивший его Бутурлинский комитеты, надзиравшие не только за самой печатью, но и за цензурой). Вторая часть полностью повторяет то, что писали о «мрачном семилетии» предыдущие исследователи¹. Речь идет об усилении правительственного контроля за печатью, особенно за периодикой; обращении особого внимания на издания, рассчитанные на средние и низовые социальные слои; предупреждении редакторов столичных газет и журналов о личной ответственности за направление их изданий; повышенном внимании к «Современнику» и особенно к «Отечественным запискам»; ссылке М.Е. Салтыкова; усилении контроля за ввозимыми в Россию иностранными изданиями. Все это более подробно, с многочисленными примерами и цитатами излагает Волошина. Интерес тут представляют лишь некоторые архивные документы, прежде всего часто цитируемый ценный источник — дневник М.А. Корфа, который добавляет новые штрихи и подробности к истории упомянутых комитетов.

Более интересна первая половина книги, где речь идет о Краевском. Это был талантливый литератор-предприниматель, который смог синтезировать опыт дворянской дилетантской журналистики (элитарность, фрондирование, привлечение авторов пушкинского круга), с одной стороны, и ориентированной на средние социальные слои профессиональной журналистики Греча, Булгарина и Сенковского (внимание к распространению изданий, четкость в выходе номеров, введение твердых гонорарных ставок, создание круга постоянных оплачиваемых сотрудников, стремление к энциклопедичности и удовлетворению запросов провинциальных читателей, рецензирование широкого круга выходящих книг) — с другой². Он оставался на плаву очень долго и издавал ряд газет и журналов. Наибольшего внимания из них заслуживают «Отечественные записки», которым посвящена значительная часть рецензируемой книги, и газета «Голос» (1863—1883), являвшаяся официозом и негласно получавшая в течение ряда лет правительственную дотацию. На наш взгляд, точную характеристику ему дала историк журналистики В.Г. Чернуха, назвав его «человеком беспринципным, но опытным организатором, умело подбирившим сотрудников в свои издания»³.

«Оригинальная» концепция Волошиной в основном представляет собой повторение трактовки истории русской журналистики, которая существовала в дореволюционной либеральной и в советской историографии: авторы журналов и газет постоянно делали попытки расширить пределы дозволенного, желая писать о тех или иных социальных проблемах, а власть стремилась всячески контролировать печать на основе жесткой цензуры и репрессий (вплоть до закрытия неугодных

1 См., например, упомянутые книги Лемке, а также: *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 году. М., 1949. С. 229—238; *Ruud Ch.A.* Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804—1906. Toronto, 1982. С. 83—96.

2 См.: *Орлов Вл.* Литературно-журнальная деятельность А.А. Краевского (в тридцатые годы) // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Сер. филологич. наук. Вып. II. 1941. № 76. С. 22—56. В переработанном виде под названием «Молодой Краевский» статья переиздана в: *Он же.* Пути и судьбы. Л., 1971. С. 449—504. Эту содержательную статью пионерского характера, в которой на основе обширного (в том числе архивного) материала была впервые в научной литературе проанализирована деятельность Краевского, Волошина практически игнорирует, не упоминая во Введении среди работ о Краевском и лишь несколько раз ссылаясь на нее далее по частным поводам.

3 *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60—70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 106.

изданий)⁴. Волошина, по сути, воспроизводит эту интерпретационную рамку. Она пишет: «Если попытаться представить в самых общих чертах эволюцию взаимодействия власти и журналистики <...> с самого начала 1830-х до конца “мрачного семилетия”, — то эта эволюция сводится к ужесточению цензурных и иных административных мер в отношении печати» (с. 13). Однако вывод этот не совсем корректен. По данным весьма информативного справочника Н.М. Лисовского, за последние 10 лет правления Александра I (1816—1825) появилось 63 новых периодических издания, за первые 10 лет правления Николая I (1826—1835) таковых было 70, а за второе десятилетие (1836—1845) — 108. Только последнее десятилетие (1846—1855) было отмечено сокращением прироста (59 новых изданий)⁵. Николай I инициировал создание в 1838 г. в каждой губернии газеты («Архангельские губернские ведомости», «Астраханские губернские ведомости» и т.д.), что существенно расширило сферу действия журналистики. Правительство тогда, как, впрочем, и гораздо позднее, понимало важность общественного мнения и стремилось направлять его (нередко имитируя) через прессу. Поэтому к официальным газетам («Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русский инвалид») и официозной «Северной пчеле» оно относилось положительно, так как они позволяли достичь этой цели. Николай I, не любивший «умствования» и весьма ценивший естественные, особенно имевшие прикладное значение науки, ничего не имел против таких изданий, как «Труды Общества русских врачей» (выходили с 1836 г.), «Журнал садоводства» (издавался с 1838 г.), «Русский земледелец» (выходил в 1838—1839 гг.), «Посредник: газета промышленности, хозяйства и реальных наук, издаваемая с высочайшего соизволения» (создана в 1840 г.) и т.п. Только литературные издания, отображавшие реальную русскую жизнь и затрагивавшие принятые в государстве и в обществе религиозные, политические, исторические и общежитейские представления, вызывали подозрительное отношение.

Корректировка старой схемы, осуществленная Волошиной, заключается в следующем. Прежние историки журналистики подразделяли русскую журналистику на прогрессивную (демократическую) и реакционную (охранительную, монархическую). Пушкин, декабристы, Белинский, Герцен и т.п. представляли первую, Булгарин, Катков, Суворин и т.п. — вторую. Согласно принятым представлениям между ними шла острая борьба, и задача состояла в том, чтобы квалифицировать издания и журналистов: кто «беленький», а кто «черненький». Самым страшным грехом признавалось сотрудничество с властью.

Волошина тоже исходит из подразделения на «беленьких» и «черненьких», но несколько меняет критерии. У нее «черненькие» — те, кто, по ее мнению, стремился только получить доход и развлечь читателя (Греч, Булгарин и Сенковский), а «беленькие» — те, кто полагал, что «публика достойна и более серьезного чтения — качественной художественной литературы, критики с “направлением” и “нонфикшена” для просвещения и образования» (с. 64), прежде всего круг «Отечественных записок» и «Современника».

При этом она признает, что «без тесного (во многом вынужденного, даже неизбежного) сотрудничества с властью ни одно периодическое издание [в николаевскую эпоху] не могло рассчитывать на сколько-нибудь продолжительное су-

4 См., например: *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700—1863 г.). СПб., 1892; *Энгельгардт Н.А.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати. (1703—1903). СПб., 1904; Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950—1965. Т. 1—2.

5 *Лисовский Н.М.* Библиография русской периодической печати 1703—1900 гг.: Материалы для истории рус. журналистики. Пг., 1915. Подсчитано нами.

ществование и заметный масштаб своей деятельности» (с. 11). Мысль не новая и вполне справедливая. Однако императорская власть рассматривается ею только негативно, и «сотрудничество» с ней оценивается положительно, только если (как в случае Краевского) оно чисто демонстративное и направлено на обман власти. Искренняя поддержка власти Булгариным и Гречем, сотрудничающими с III отделением, — это плохо, а публикация Краевским время от времени программных монархических статей — это умелые тактические шаги. Остается за скобками вопрос: была ли консервативна власть Николая I и действительно ли во время его правления (если не говорить о «мрачном семилетии») цензурные рамки сужались? Ведь при нем был принят цензурный устав 1828 г., достаточно четко регламентировавший деятельность цензоров, существенно расширена сеть гимназий, развивалась промышленность и т.д. Реформы были возможны только в рамках монархической системы, что и продемонстрировало следующее царствование, когда освобождение крестьян проводилось по инициативе и под нажимом императорской власти. Такие сотрудничавшие с властью журналисты, как Булгарин, были настроены реформаторски⁶, и, судя по всему, их взгляды отличались от взглядов Краевского только в эстетической сфере.

«Новаторство» Волошиной заключается также в том, что она безоговорочно считает Краевского (к которому раньше существовало противоречивое отношение) положительным деятелем и превозносит его. Она полагает, что Краевский — «редчайший феномен русской культуры и социологии литературы, редактор и издатель, который нашел формулу соединения качественного литературного и журналистского труда и коммерческого успеха, своего рода гегельянский синтез, примиривший противоречие между “не продается вдохновенье” и “можно рукопись продать”» (с. 9). В отличие от современников Краевского и историков журналистики, Волошина находит у него «яркий писательский и полемический талант» (с. 394), «классицистическую простоту» (с. 396).

При этом, что характерно, Волошина нигде не пишет о политических взглядах Краевского, о его отношении к тем или иным вопросам общественной жизни, об эстетических взглядах, наконец.

Дело в том, что печатался он очень мало, а его программные, написанные в рамках концепции самодержавия, православия и народности сервильные статьи «Мысли о России» (1837) и «Россия и Западная Европа в настоящую минуту» (1848) Волошина объявляет тактическими ходами, не отражающими его подлинных взглядов: «В самом начале своего редакторства, а также в критические для его существования моменты (как, например, в 1848 г.) Краевский делал манифестированно лоялистский жест в сторону властей, таким образом формируя определенный имидж как своего издания, так и свой лично: имиджа благонамеренного, добровольно-официозного органа и редактора, искренне поддерживающего взгляды и все без исключения меры правительства» (с. 100); «...непродуктивно было бы анализировать статью [“Мысли о России”] — официальный манифест, принимая ее ярко маркированные идеологические формулы за искреннее изъяснение чувств и мыслей молодого честолюбивого редактора» (с. 101). Хотелось бы понять, как Волошина проникла в мысли «честолюбивого редактора». На каком основании она считает, что эта статья не отражает его взглядов? Тот факт, что сотрудники его журнала, прежде всего Белинский, были гораздо более радикальны, ни о чем не говорит. Как опытный предприниматель, Краевский понимал, на что есть спрос, и был готов печатать талантливого Белинского. Те же немногие его публикации, которые

6 См.: Рейтблат А.И. Пушкин как Булгарин // Новое литературное обозрение. 2012. № 115. С. 170—198.

известны, идейно близки его «лоялистским жестам». В 1834 г. он писал, например, что «Россия, младший, по времени вступления, член в обществе европейских народов, полная юными, нисколько еще не истощенными силами, отлившаяся в своих, ей только одной свойственных формах, далеко не сходствует с устарелым Западом», она «не разделяла никогда судьбы его, отделенная своим языком, верою, монгольским игом» и сохраняет «в целости драгоценные залогов народности своей: язык и веру предков, а с ними и все наследственные черты национального характера»⁷. Напомню также, что Краевскому принадлежит большая апологетическая статья о Борисе Годунове, опубликованная в 1836 г. в «Энциклопедическом лексиконе» и отдельным изданием.

Теперь сравним это с «Мыслями о России»: «Неисповедимыми путями благое Провидение вело русский народ к возвышенным целям, вдалеке от тех бурь и треволнений, которые облили Европу кровию и создали нынешнюю ее физиономию, не имеющую себе ничего подобного ни в веках минувших, ни в настоящее время в других частях света»; «неизменная в покорности отеческому самодержавию своих государей, твердая в вере отцов, она [Русь] отражает всякое покушение Европы ввести между нами несвойственные нам преобразования, укореняется во вражде к Западу и считает его не только для себя чуждым, но и всегда опасным»⁸. Как видим, тут иначе расставлены акценты, но исходные посылки одни и те же. Причем нужно учесть, что статья эта писалась отнюдь не как «лоялистский жест» (что утверждает Волошина), а как вклад в готовящийся, но не разрешенный Николаем I «Русский сборник».

Метод возвышения издателя «Отечественных записок» прост: усиленно критиковать его конкурентов. Волошина полагает, что Греч, Булгарин и Сенковский, «самые заметные игроки на скудном поле журналистики в эти годы», «считали, что периодика должна быть развлекательной, то есть приносить коммерческий успех редакторам-издателям» (с. 64), более того, она отмечает у них «принципиальную установку на развлекательность контента, без всяких попыток просвещать, образовывать читателя и заботиться о развитии его вкуса» (с. 136). Видимо, Волошина даже не заглядывала в «Библиотеку для чтения» Сенковского, которая была создана как энциклопедический журнал и в большом количестве публиковала научные и популярные статьи по всем отраслям знаний. Чтобы не быть голословным, перечислю публикации самого первого тома (1834) этого журнала: «Скандинавские саги» О.И. Сенковского, «Взгляд на историю России от кончины Иоанна Калиты до кончины Иоанна III» Н.А. Полевого, «Исторические афоризмы» М.П. Погодина, «О границах и переходах царств природы» М.А. Максимова, «О составных частях почв и влиянии их на растения» его же, «На какой степени находится земледелие в России?» М.Х. Яценкова, «О распиловке бревен» его же и др. Научные статьи и статьи практического характера регулярно печатались в «Библиотеке для чтения» и в дальнейшем. В «Сыне Отечества» Греча и Булгарина тоже было немало статей по истории, описаний путешествий и других публикаций познавательного характера. Вот, например, статьи, помещенные в 183-й части «Сына Отечества», которой открывался 1837 год: «Тесная связь литературы с знаниями человеческими вообще» С.А. Бервиля, «Гофман и его фантастические

7 Краевский А. Обзорение русских газет и журналов // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. С. 95—96. А в статье «Современное состояние философии во Франции и новая система сей науки, основываемая Ботенем» (Там же. 1834. № 8. С. 317—377) он сочувственно реферировал книгу французского аббата Л.Э.М. Ботена, предлагавшего основывать философию и науку на религии.

8 Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1837. № 1. С. 1.

произведения» из «Франс литтерер», «Судьба эпопеи во Франции» Э. Кине, «Начало и распространение Унии» Н.Г. Устрялова. Это «развлекательность контента»?

А что касается «коммерческого успеха», то можно подумать, что Краевский не стремился к нему и что печатал прозу таких третьестепенных французских писателей, как Ш. Рейбо, А. Дюдле, К. Робер, Ш. Лафон и др., для развития вкуса читателей.

Другое заявление автора книги: у Сенковского, Булгарина и Греча «“свои” авторы получали допуск к публикациям и положительные рецензии, “чужие” — нет» (с. 135). Опять передержка! Дело обстояло совершенно наоборот. Издания указанных авторов охотно публиковали прозу и стихи всех известных русских литераторов. (В «Библиотеке для чтения» печатались произведения А.С. Пушкина, И.И. Козлова, В.А. Жуковского, Д.В. Давыдова, М.Ю. Лермонтова, В.Ф. Одоевского, В.И. Даля, А.А. Бестужева-Марлинского, П.П. Ершова, А.С. Грибоедова, М.Н. Загоскина, В.А. Ушакова, А.Ф. Вельтмана, П.А. Катенина, И.А. Крылова, Н.А. Полевого. Это «свои» для Сенковского?) Другое дело, что так называемые литературные аристократы сами не хотели печататься у Греча и Булгарина и не печатали тех, кто был близок к ним. Что касается рецензий, то и это неправда. В «Северной пчеле» появлялись положительные отклики на публикации Пушкина, В.А. Жуковского, Е.А. Боратынского, А.А. Дельвига, В.А. Соллогуба, Е.П. Ростопчиной, В.А. Вонярярского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др., а «Герою нашего времени» Булгарин посвятил большую хвалебную рецензию (1840. № 246), которая сильно поспособствовала продаже романа и его успеху у читателей.

Волошина считает, что Краевский — «первый издатель-профессионал, сумевший не просто вывести свое печатное детище в число популярных и влиятельных среди современников, но и удерживать его в числе таковых на протяжении (не будет большим преувеличением сказать) эпохи» (с. 9). Однако она забывает, что все эти оценки в гораздо большей степени применимы к Н.И. Гречу, издававшему и редактировавшему журнал «Сын Отечества» с 1812 по 1837 г. Это был один из наиболее интересных и содержательных русских журналов «золотого века» русской литературы. И если «Отечественные записки» были лучшим журналом с 1839 по 1846 г., то есть 8 лет (в 1847 г. появился и стал таковым «Современник»), то «Сын Отечества» удерживал пальму первенства с возникновения в 1812 г. по 1824 г. (до появления «Московского телеграфа»), то есть 13 лет.

Стремление возвеличить Краевского отразилось на высказываниях автора не только о Сенковском, Грече и Булгарине, но и о Белинском. Волошина пишет, что «с легкой руки (точнее, тяжелого языка, пера и нервного характера) Белинского <...> репутация Краевского стала как минимум запятнанной» (с. 212), он «тенденциозно описывает» (с. 214) свои отношения с Краевским.

Как видим, там, где Волошина права, она не оригинальна, а там, где оригинальна, ее заключения далеки от истинного положения дел.

Допускаю, что аспирантам или «продвинутым» студентам книга Володиной может оказаться полезной, так как подробно характеризует положение русской печати в период «мрачного семилетия». Однако им следует иметь в виду, что в ней немало фактических ошибок. Приведу в пример следующий пассаж: «...Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч, с 1831 г. совместно издававшие газету “Северная пчела” и журнал “Сын отечества” (“Сын отечества и Северный архив. Журнал литературы и современной истории”) <...>» (с. 64), где ошибок сразу несколько: «Северную пчелу» Греч и Булгарин издавали вместе с 1825 г., с самого начала издания газеты, соиздателем «Сына Отечества» Булгарин стал тоже в 1825 г., а объединились «Сын Отечества» и «Северный архив» в 1829 г., причем подзаголовок был несколько иным: «Журнал литературы, политики и современной истории».

Автор полагает, что «в Петербурге в 1833 г. появилась “Библиотека для чтения”, издаваемая А.Ф. Смирдиным» (с. 57), однако произошло это в 1834 г.

На с. 224 Волошина пишет про Л.В. Дубельта, что «в его лице были совмещены должности управляющего III отделением и шефа жандармов». Это ошибка, шефом жандармов Дубельт никогда не был, указанный пост в годы его службы занимали А.Х. Бенкендорф, а потом А.Ф. Орлов.

Неосведомленность автора наглядно проявляется и в применении слова «некий» к вполне известным лицам: так, например, автор характеризует А.И. Иваницкого (с. 185), П.А. Машкова (с. 30) и Н.В. Сушкова (с. 560), о которых есть статьи в словаре «Русские писатели. 1800—1917», а также русского историка немецкого происхождения Федора Ивановича Смита (с. 429), посвященную которому статью можно найти в «Русском биографическом словаре».

И.М. Снегирев в книге назван «археологом и публицистом» (с. 76). Публицистикой Снегирев никогда не занимался, а археологом в современном значении этого слова тоже не был (напомню, что в первой половине XIX в. термин этот имел гораздо более широкое значение: так называли не только тех, кто занимался раскопками, но и тех, кто описывал и собирал предметы старины).

Волошина цитирует отчет III отделения за 1837 г., где идет речь об «Официальной газете Царства Польского», и почему-то называет ее «официозным периодическим органом» (с. 52), явно не понимая разницы между определениями «официальный» и «официозный».

Не раз Волошина именует III отделение «тайной полицией» (см., например, с. 78, 160, 224, 228), что совершенно неверно, так как это учреждение существовало совершенно официально.

Ф.В. Чижов отнесен ею к числу «московских славянофилов» (с. 296), что ошибочно, поскольку он был петербуржцем.

Приводя список столичных периодических изданий 1848 г., представленный С.С. Уваровым в Меншиковский комитет, Волошина называет его полным (с. 365). На самом деле он далеко не полон, в нем отсутствуют более полутора десятка журналов, например «Пантеон и Репертуар русской сцены» и «Эконом». Более того, названия части изданий воспроизведены неточно, например «Журнал коннозаводства и охоты» именуется «Журналом коневодства и охоты», «Ведомости Санкт-петербургской городской полиции» — «С.-Петербургскими полицейскими ведомостями», а «Московский городской листок» — «Городским листком» (он, кстати, в 1848 г. уже не выходил). Можно встретить тут и своего рода «поручика Кижее» — «Журнал земства», которого никогда не существовало. Никто не требовал от автора приводить названия всех изданий из списка Уварова, но если уж она решила это сделать, следовало дать точные названия.

Подведем итоги. Книга Волошиной представляет собой полукомпилятивную работу, в значительной степени повторяющую наблюдения и выводы предшествующих исследователей. Специалистам будут интересны лишь некоторые частные наблюдения (например, о переводческой стратегии журналов в период «мрачного семилетия» и о взаимоотношениях Краевского и Достоевского) и ряд цитат из архивных документов, прежде всего из дневника М. Корфа (если бы вместо этой книги Волошина опубликовала целиком его дневник за 1848 г., пользы для науки было бы гораздо больше). Характерно, что, поскольку книга не является полноценным научным исследованием, в ней нет заключения, в котором резюмировались бы выводы автора, и нет указателя имен.